

21.12.2017

СВЕТЛЫЙ ВЕЧЕР С ПЕТРОМ АЛЕШКОВСКИМ. ГОСТЬ ПРОГРАММЫ МАРИЯ РЕФОРМАТСКАЯ (21.12.2017)

**Мария Александровна
Реформатская**

В гостях у Петра Алешковского была советский и российский историк искусства, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ, автор работ по древнерусскому искусству и истории московской интеллигенции первой половины XX века Мария Александровна Реформатская.

Наша гостья рассказала об истории своей семьи, о своем детстве и интересных людях, с которыми ей доводилось встречаться.

П. Алешковский

— Здравствуйте, это радио «Вера», программа «Светлый вечер», и я, Петр Алешковский, в студии. Сегодня у меня в гостях замечательный собеседник — Мария Александровна Реформатская. Здравствуйте.

М. Реформатская

— Добрый вечер!

П. Алешковский

— Мария Александровна — искусствовед, потомственный, если можно так сказать, и москвич с глубоким стажем семейным, интеллигент не в первом поколении. И вот я хочу, чтобы Вы повспоминали. У нас на передаче вспоминают. У нас на передаче рассказывают или о своих родных, или о своем окружении. Ну, мы как-то договорились, что начнем сначала, и первый вопрос я Вам задам такой: что такое Реформатские, откуда эта фамилия, откуда на русской почве возникли реформа, реформаторы или Реформатские?

М. Реформатская

— «Реформатская» — фамилия интеллигентов во втором или даже в третьем поколении поколении, не старше. И происходит эта фамилия из церковной среды, эту фамилию давали в семинарии, и давали они, в основном, в Костромской губернии.

П. Алешковский

— А, то есть, Реформатских достаточно количество, да?

М. Реформатская

— Да, мой дальний предок был настоятелем Кинешемского собора. Сам он вышел из Борисоглебского села под Юрьевцем, прошел все стадии священнического обучения, и когда дошел до семинарии, то выяснилось, что из его деревни довольно много людей, и поэтому

называться по деревенскому наименованию нельзя. Все традиционные наименования, которые шли по церковным праздникам, вроде как Воскресенский, Рождественский, или по цветам — там, туберозовые, гиацинтовые...

П. Алешковский

— ...иерусалимские и так далее...

М. Реформатская

— ...и еще каким-то, как следует, традиционным духовным фамилиям были исчерпаны, и стали думать и гадать. И тут вот сказалось, собственно, два таких направления в определении этой фамилии. С одной стороны, в таких учреждениях читали историю религии, и поэтому была история реформации, и была известная Реформатская церковь.

П. Алешковский

— Ну да.

М. Реформатская

— В православном духовном училище преподавали это. И — ну почему бы не дать? А с другой стороны, это настроенность, опять-таки, преподавателей семинарии на некий такой калькообразный перевод с латыни, и поэтому Реформация совпадала как бы с Преображением и вполне годилась для этого наименования. Так что вот эта фамилия — вполне искусственная, ведет свое происхождение от нашего кинешемского предка, а потом уже его дети, которые наследовали эту фамилию, они тоже кончали разные ступени духовного образования, но не завершали, самое последнее, бухались в ноги и просили отпустить их на волю. А воля — это был Казанский университет, который был очень широк в приеме по отношению к разным социальным статусам. И представителей из колокольного дворянства туда принимали более охотно. И поэтому Казанский университет окончил старший сын этого священника кинешемского, и стал он очень видным психиатром, работавшим в Петербурге. И у него в клинике лечился Врубель, и лечился Гаршин под его наблюдением. К сожалению, помочь он не мог, но, может быть, облегчил участь этих бедных больных. Второй Реформатский был очень крупным химиком — Сергей Николаевич, который работал в Университете Святого Владимира в Киеве и даже открыл реакцию, которая называется «реакция Реформатского» и 100-летие которой отмечалось во всем международном химическом мире.

П. Алешковский

— У, как здорово!

М. Реформатская

— Третий оказался мой дед прямой, Александр Николаевич — хороший очень ученый, но в еще большей степени организатор неаучного просвещения. И четвертый — это был очень скромный, милый, остроумный Леонид, который был просто учителем словесности. И вот они вчетвером...

П. Алешковский

— ...в школе?

М. Реформатская

— ...образовывали такую очень дружную семью, навещали своего отца. Младший учил грамоте свою матушку, которая принципиально долгое время грамоте не обучалась, потому что ей внушили, что грамота может соблазнить на чтение дурных текстов и в молодые годы на любовные записки, а выходить замуж надо было по другим принципам. И когда они приезжали на Волгу, то они объединялись, помогали чем-то по быту своим родителям. Когда встали на ноги, то организовали Народный дом с избой-читальней с несколькими книгами и с меблировкой на свои средства. А когда уезжали, садились на борт волжского корабля, плыли и пели, поскольку они были совершенно изумительные любители пения. И, в частности, киевский ученый Сергей Николаевич очень любил петь. И как-то такое в летнюю ночь

киевскую пел из Даргомыжского, арию из «Русалки» во всю ширь, так сказать, своей груди и глотки. И вдруг он увидел стоящего рядом человека, который заслушался его пением. Этот человек подошел и сказал: «Как Вы прекрасно поете!». А тот был такой веселенький и настроен немножечко «подшофе» и спросил: «А кто Вы?». Он говорит: «А я Собинов». (Смеется.)

П. Алешковский

— (Смеется.).

М. Реформатская

— Так что вот такая у нас была история. Мой прямой дед был баритоном, и на этой почве на домашних вечерах в доме моей бабушки, которая была из старого, бедного, но очень давнего рода Головачевых, вечер, где они познакомились — бабушка играла, он пел романсы. Ну, и в результате где-то в начале 90-х годов состоялся брак...

П. Алешковский

— 1890-х?

М. Реформатская

— ...нет. Александра Николаевича Реформатского — химика и моей бабушки — Екатерины Андреевны...

П. Алешковский

— Я говорю: в 1890-х?

М. Реформатская

— Да, да. Это Вы правильно поправили, это я часто ошибаюсь. Такова, так сказать, история именно этой фамилии. Но, конечно, для осознания какого-то внутреннего в традиции нашей семьи, безусловно, что-то заключалось, что связано с деланием, с преобразованием, преобразованием и изменением. И поэтому некий такой дух решительной полемичности уже присутствует тогда, когда я заполняю анкету со своей фамилией.

П. Алешковский

— В смысле?

М. Реформатская

— Ну вот переделывать.

П. Алешковский

— Ага, понятно! (Смеется.)

М. Реформатская

— Переделывать. Переделывать. Так что вот такова история наше й семьи по мужской линии. А по женской тоже любопытно... Если Вам это интересно, то...

П. Алешковский

— Конечно.

М. Реформатская

— ...мама моя — урожденная Вахмистрова, фамилия нераспространенная. И она связана с тем, что ее дед который был крестьянином и пас стада, и жил в деревне, в которой были все Григорьевы, в конце концов, как-то выделился из крестьянской среды и поступил мастеровым, помощником красильного мастера на фабрику Баранова (кстати, текстильная фабрика Владимирской губернии). И когда определяли, кто он, чтобы отличить, то говорили: «Он из вахмпистровой избы», потому что на постое именно в их доме стояла кавалерия с Вахмистровыми. И, таким образом...

П. Алешковский

— ...и он получил фамилию.

М. Реформатская

— ...эта семья получила фамилию «Вахмистровы». И здесь очень было забавно, что, собственно, от пастухов, с которых все началось, затем красильные мастера, а потом технологи

фабрики Баранова, — вот этот представитель женился на дворянке из немецкого рода, которые получали дворянство за свои вклады по медицинской или инженерной, или научной линии в Россию. И поэтому его жена была фон Райс. И, таким образом, вот такой получился социальный мезальянс, но давший довольно плодотворную семью с шестью детьми.

П. Алешковский

— Ну что же, это вообще такая абсолютно правильная генетика. В России мы, когда смотрим на фамилии, скажем XIX века — немцев, французов — очень большое количество, шведы — это все потом будет размолото, перемолото. И, практически, сегодня встретить какого-нибудь Торсонсона... Ну, есть такой актер, как мы знаем, но...

М. Реформатская

— Режиссер, по-моему.

П. Алешковский

— И режиссер его сын, Вахтанговского театра, но это редкость. А вот во времена Чехова — это постоянно, обязательно, естественно совершенно. Хорошо. Давайте тогда... Вот Вы сказали о фундаменте семьи — все-таки давайте спустимся от Вашего деда к отцу. И я хочу, чтобы мы договаривались, я хочу, чтобы Вы рассказали о людях вокруг. Потому что за Ваши долго прожитые годы, конечно, вокруг было очень много интересных людей. И Вы сказали: «Вы хотите о знаменитостях? А давайте я поговорю о других!». Вот давайте о разных, пожалуйста.

М. Реформатская

— Я родилась через год, даже меньше, после смерти моего деда, который скончался в конце 1937 года — ну, можно сказать, естественным образом, не будучи страдальцем этого знаменитого в нашей истории года. Родилась у родителей, которые давно ждали появления на свет младенца, но оказалась поздним, слабым, но преждевременным. Это обстоятельство поспешности моего появления на свет сопровождалось тем, что я просто была задохлик, помирала, и необходимо было каким-то образом придать мне сил. И тут знакомый моих родителей, доктор Боткинской больницы хирург Соколов сказал, что необходимо сделать переливание крови от жизненно крепкого отца в меня, и совершил на дому эту операцию...

П. Алешковский

— ...процедуру.

М. Реформатская

— ...которая обеспечила мою, видимо, жизнедеятельность вплоть до сегодняшнего дня. И жили мы в доме, который находится и сейчас, несмотря на все арбатские преобразования. Сейчас это адрес «Композиторская, 25», тогда это был «Дурновский, 13» — это переулок, который шел от Садовой в сторону Собачьей площадки. И этот дом был очень интересным. Он, с одной стороны, стоял в ряду доходных домов, но в нем было четыре этажа, по одной квартире в каждом этаже, и строил этот дом гинеколог Благоволин.

П. Алешковский

— Это «Светлый вечер с Петром Алешковским», и в гостях у меня сегодня Мария Александровна Реформатская, искусствовед с большим опытом общения с интересными людьми. Вот мы сейчас подходим, собственно говоря, к этому. Пожалуйста.

М. Реформатская

— Благоволин был учеником знаменитого врача Снегирева и другом Бехтерева. Он приглашал Бехтерева остановиться у себя, и это продолжалось до 1927 года — до того знаменитого года, в котором Бехтерев вынес диагноз нашему вождю, и после чего Бехтерев завершил свою жизнь в нашем доме. И очень долгое время у нас в квартире и в семье все время поговаривали о каком-то омлетике, который обсуждался в связи с кончиной Бехтерева в стенах этого дома.

П. Алешковский

— То есть его где-то там в Кремле накормили?

М. Реформатская

— Вот. Но все время упоминался «омлетик» — скорее, тот, который подавался на арбатской квартире, но уже это, видимо, не могло изменить того приговора, который был вынесен Бехтереву абсолютно окончательно.

П. Алешковский

— Так вот... Его расстреляли?

М. Реформатская

— Нет, отравили.

П. Алешковский

— Его отравили, да?

М. Реформатская

— Или отравили... И отравленным он был вынесен из нашего дома, переправлен в Ленинград и уже там похоронен. Вот таков у нас был дом...

П. Алешковский

— А как же в Вашем доме его отравили?

М. Реформатская

— А?

П. Алешковский

— Как отравили его в Вашем доме?

М. Реформатская

— Да нет, его отравили, видимо, на банкете...

П. Алешковский

— А, понятно.

М. Реформатская

— Но неизвестно, что еще делалось приходящими врачами. (Смеется.)

П. Алешковский

— А, были врачи, которые за ним... Понятно.

М. Реформатская

— Да, тоже. Ну, тут все-таки довольно темная история.

П. Алешковский

— Понятно.

М. Реформатская

— Темная история. Вот таков был у нас дом. А туда мой дед попал, закончив свое директорство Практической Академии на Покровском бульваре, и когда он перешел на работу в Университет Шанявского... Это было его главное занятие — Высшие женские курсы, и я об этом специально говорю, потому что, собственно, в те события, когда дед закончил свое директорство, происходили очень серьезные изменения в университетской жизни, о которых сейчас редко вспоминают. А я стараюсь об этом говорить довольно часто, как только появляется повод.

И связано это с тем, что в 1911 году в знак протеста против ослабления автономии университета и наложения цензуры на университетскую жизнь, и даже приказа о привлечении профессоров к тому, чтобы доносили на студенчество, возникла такая ситуация, при которой верхушка университетского правления была снята, а в знак солидарности 120 или, по другим источникам, большее число преподавателей ушли...

П. Алешковский

— Ушли организовать... Угу.

М. Реформатская

— Ушли. И это был очень серьезный шаг, который имел очень большие последствия. С одной стороны, конечно, оголялся университет. Но с другой стороны, это был пример и для преподавателей, и для оставшихся студентов, что все-таки существует какой-то моральный кодекс чести, по которому люди действуют. А польза была та, что частные гимназии получили преподавателей университетского ранга. И вот в такой вот гимназии учился мой отец, который является ровесником века, который попал во Флеровскую гимназию (теперь это училище, в здании там находится музыкальное училище) — вот это была знаменитая 110-я школа. И там действительно собрался очень высокий уровень учителей, которые делали из учеников специалистов. Причем, настолько давали сильное образование, что первые годы университетского пребывания многие даже ничего не делали по предложенной программе, потому что они уже были готовы — готовы по языкам, готовы были по математике, готовы были по литературе.

И вот в этой школе, в этой гимназии учился мой отец. После 1913 года к нему присоединился ставший его пожизненным другом Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. И они завершили эту школу с золотыми медалями, несмотря на то, что были, конечно, отъявленными озорниками, вплоть даже до хулиганства, которых вспоминает и Тимофеев-Ресовский, и вспоминает мой отец.

П. Алешковский

— Что говорит о...

М. Реформатская

— Но никогда это не были, так сказать, хулиганства с какими-то вредительством, членовредительством или вредностью для каких-то людей. Это было сверхмерное озорство.

П. Алешковский

— Ну, что говорит об их таланте. Обычно...

М. Реформатская

— Это говорит об их таланте.

П. Алешковский

— Обычно у юных людей нету возможности сдержаться — они должны быть шире. И это абсолютно нормально.

М. Реформатская

— Вы знаете, у Вас очень хорошее замечание. И я, когда смотрела и на отца, и на фигуры, так сказать, много крупнее его, каким был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, у нас в доме называвшийся домашним названием «Колюша», то я чувствовала, что жизненная энергия, оптимизм переполняют их. У каждого был свой род жизненных стеснений, переживаний, донорам, и, тем не менее, вот этот задаток активной жизнедеятельности, который выливался в широкое принятие мира. Ну, во-первых, в увлеченность своей профессией. Это было такое самопоглощение. У Тимофеева-Ресовского это просто началось еще в последних классах...

П. Алешковский

— Гимназии...

М. Реформатская

— В самом последнем классе гимназии, когда он ходил вольнослушателем в Университет Шанявского и поэтому включился уже в дух лаборатории, экспедиций и экспериментов, и это не прекращалось, хотя при этом он участвовал в кружке, где ставились спектакли, где занимались какими-то широкими гуманитарными вопросами, обсуждали... И кружок, кстати говоря, был с очень интересным названием — он назывался «Сикамбр». Это, собственно, греческое наименование древних франков, которое знал каждый гимназист, поскольку в истории христианизации Хлодвига это слово фигурирует. Но оно пришло в студенческую и

гимназическую среду из пьесы Горького «На дне», где Сатин, значит, произносит своему партнеру, с кем он спорит, «сикамбр», унижая его и показывая ему — дескать, нехристь и дикий человек. И вот это название — «сикамбр» — оно было кратким, оно было звучным, оно было вызывающим, оно было эпатажным, что соответствовало молодости и соответствовало времени. Я еще раз напомню, что они ровесники века, так что «Сикамбр» приходится на 1917-1918 годы.

П. Алешковский

— Ну да.

М. Реформатская

— И вот с этим духом задора и ощущения, что они могут всем и всегда заниматься, вот они вступали в жизнь, хотя эта жизнь довольно рано начала бить их по рукам и ставить серьезные препятствия. И уже когда, собственно, произошла революция, то семья Тимофеева-Ресовского, как семья по матери очень такой аристократического дворянства, потерпела очень серьезный урон. Их имение было не только захвачено, но разорено и спалено, и поэтому он как-то очень пригрелся в доме у моего отца, потому что Тимофеев-Ресовский...

П. Алешковский

— Разночинского Реформатского...

М. Реформатская

— Ну, наполовину, потому что по матери он дворянин, по отцу — из поповичей, безусловно. И те жили в маленьком поместье, но с хорошим, налаженным хозяйственным укладом. В Тверской губернии такое имение Покровское, где можно было в 1917 году еще работать по договоренности с местными властями и заработать паек. И Тимофеев-Ресовский был выдан за члена семьи.

П. Алешковский

— Угу. И получил паек.

М. Реформатская

— Да. И они там работали. То есть это вообще, так сказать, была не просто забава, не просто помощь головачевской семье, а глава семьи был долгое время врач-хирург Головачев, а потом, когда он умер, еще до Октябрьского переворота, главным в этом имении стал Александр Николаевич Реформатский — химик. Они работали вообще не на страх, а на совесть, вставали с первым светом, занимались тем, что чинили жнейки, косили, навевали стога, ездили куда-то за инструментарием — в общем, выполняли все хозяйственные работы. Но когда урожай более-менее был собран, уже в конце августа пришли местные власти. А тут надо заметить, что эти местные власти были не из местных крестьян, а это были пришлые люди. И один из них был когда-то даже в ближайшем городе Корчева членом «Союза русского народа». И он быстро стал большевиком. И вот во главе с этим человеком было приказано хозяевам удалиться, отобрали у них все имущество, приставили наган, и они еле ноги унесли. Зато поместье без всякого пайка и без всего. После чего, вернувшись и очухавшись, как если только можно от такого события очухаться, они оказались перед необходимостью зарабатывать хлеб. И преподавательский хлеб Александра Николаевича Реформатского был довольно скудным, а семья у него была большая. Еще была, помимо жены, дочь Наталья, которая заканчивала гимназию, и нужен был, так сказать, паек. И тогда Александр Александрович(?) вместе с Тимофеевым-Ресовским пошли в грузчики. Они пошли в грузчики, на склад бывшего издательства, которым ведал Бонч-Бруевич. Потом издательство быстро стало называться «Коммунист», и они там работали тем, что грузили бумагу, грузили продукцию, издания и прочее.

П. Алешковский

— Я должен на минуточку вклиниться и сказать, что будьте любезны, дорогие слушатели, оставайтесь с нами, мы скоро вернемся назад.

Спасибо тем, кто остался с нами. Это «Светлый вечер», передача радио «Вера». Петр Алешковский в студии, и в гостях у меня Мария Александровна Реформатская, замечательный рассказчик и искусствовед. И я сегодня не то, чтобы беседую, а счастливо, молча, с почтением слушаю рассказ. Пожалуйста.

М. Реформатская

— Во время транспортировки одного из ящиков, где находился архив Бонч-Бруевича, произошел такой казус: мой отец выронил этот ящик, он раскололся и развалился, архив рассыпался, и стали его собирать одновременно и Бонч-Бруевич, и молодой человек, ползая на пузе, собирая бумажки (а бумажки все были одна интересней другой). И оказалось, что это переписка с духоворами. И Бонч-Бруевич комментировал эти надписи, не меняя позы, и каждый раз, когда бралась новая бумажка в руки, сыпался целый град новых рассказов и увлечений. И так они около часа в таких «удобных» в кавычках позах провели это время. Вот такова была история этой молодости. Вечером они учились в университете, занятия были вечерние. Приезжали они на грузовой машине.

П. Алешковский

— Отец учился на каком факультете?

М. Реформатская

— Он на филфаке учился. Он учился — тогда назывался «историко-филологический факультет».

П. Алешковский

— А кто были его преподаватели, учителя?

М. Реформатская

— Я сейчас расскажу, кто были его преподаватели. Но это любопытно, что они, как работники, которые получали паек первой категории, гораздо крупнее, чем их преподаватели и Александр Николаевич Реформатский, прибывали на грузовике, который находил себе пристанище в Манеже, а сами шли в корпус университетский и занимались.

П. Алешковский

— Старый университет (нрзб.) в Центре.

М. Реформатская

— Да. Каждый — один шел на биофак, а другой шел на филфак. Система образования тогда была не такая, как сейчас. Там не было годовых отчетов. Там была система предметная. И к определенному отчетному периоду студент должен был набрать любые курсы в определенное число. И поэтому...

П. Алешковский

— Ну, приблизительно как сегодня в западных университетах.

М. Реформатская

— И очень было свободно маневрировать поэтому. Во-первых, мешались студенты и друг друга узнавали очень активно, а во-вторых, действительно была большая свобода, ты мог что-то сдать, что у тебя хорошо получалось, и заниматься чем-то еще. И вот в это время родители мои увлекались и лекциями, и тем, что на стороне Университета существует. Кстати говоря, отец не очень-то наукой увлекся вначале. Он был тогда больше любящий театр, и он поступил в студию Мейерхольда, в Театральное училище. Мейерхольд в это время был на юге, и уроков Мейерхольда он не получил. Но историю литературы у него читал Шкловский...

П. Алешковский

— Шкловский.

М. Реформатская

— ...Якобсон и Брик. А Брик в это время в Москве организовал филиал «ОПОЯЗа», и это был кружок, который собирался в Водопьяновом переулке. И, таким образом, в дополнение к

университету мои родители ходили в этот вот «ОПОЯЗовский» кружок. Причем, они там занимались анализом формы, из этого вышли интересные семинарские работы. И первая публикация отца была издана Бриком, и называлась она «Анализ новеллы Мопассана «Петух запел», после чего у него было еще несколько вот таких формалистических анализов. А в самом университете, когда отец уже, собственно, все-таки понял, что не театр его поприще, а филология, в широком пока что еще смысле, конечно, был главным учителем Ушаков. Это просто он стал ему почти отцом родным.

П. Алешковский

— Ушаков, который составитель словаря, естественно?

М. Реформатская

— Да. И, более того, Дмитрий Николаевич Ушаков вообще в воспоминаниях моего отца был фигурой самой любимой. Теплее, чем о нем, он мне, пожалуй, ни о ком не говорил, безумно ценил его душевный склад, его чувство языка, его умение общаться со своими студентами, привлекать их к увлечению словом и лингвистикой. И, кстати говоря, вот этот знаменитый словарь начал еще создаваться потихонечку в это время — в начале 20-х годов. И отец получил задание сделать выборку из произведений Пришвина, который уже в это время был известен. А потом уже, где-то в начале 30-х годов совершилось личное знакомство с Пришвиным на почве литературы и охоты. И Пришвин...

П. Алешковский

— А отец любил охотиться?

М. Реформатская

— Не только отец — мать и сестра матери были заядлыми, страстными охотниками.

П. Алешковский

— С ума сойти! Ох, как было!

М. Реформатская

— И приучали к этому и меня. И у меня тоже был однажды очень красивый выстрел на болотах в Тверской губернии, но он был первым и последним. Я поняла, что век женщин-охотников прошел, и я к этому никакого отношения не имею, а в природе...

П. Алешковский

— Вы стреляли по куликам?

М. Реформатская

— Это был бекас.

П. Алешковский

— Бекас? Понятно, да.

М. Реформатская

— И, уж коль я тут затронула... Скачет мысль, как блоха. Но затронула природу... Я тут хочу вспомнить и материнскую линию, в которой жила очень, по-моему, правильная заповедь, которую внушила школа, тоже замечательная частная гимназия Алферовых, в которой училась моя мать. На своей фотографической карточке, которая была подарена родственнице Толи Формозова, Ольге Вячеславовне Якушкиной, выпускнице этой гимназии, было написано: «Оля, самое замечательное в жизни, что составляет ее основу, это любовь к людям, это труд и любовь к природе. На этих трех основах можно жить и служить человечеству». Это не очень риторически звучит...

П. Алешковский

— Вот удивительно — тогда такие надписи были в ходу.

М. Реформатская

— Да, да.

П. Алешковский

— Совершенно нормально. Это было такое какое-то удивительное простосердечие и честность. Сегодня я даже не представляю себе, чтобы мы могли вот таким образом написать, да?

М. Реформатская

— Сейчас стесняемся мы. Да.

П. Алешковский

— Это же кредо.

М. Реформатская

— Это абсолютное кредо. И вот эта наставница мамы — она возглавляла школу, где главным было нравственное воспитание. Там тоже был очень хороший состав учителей. Я даже могу Вам назвать — в разное время там преподавали Млодзиевский, который потом стал известным физиком, там преподавал Шпет Густав Густавович, который женился на своей выпускнице, красавице Гучковой. Там, когда уже мама кончила, преподавал Лосев — латинский язык. И моя тетя училась уже у него, и у нас есть автографы Лосева, которые он дарил своим ученицам по Алферовской гимназии. Это была прекрасная атмосфера, демократическая атмосфера, хотя там были представители самых разных слоев, в этой гимназии, но внутри нее все были равны — и аристократы, и представители ведущих фирм, банков и прочего, и дочери сапожников, которых было, конечно, немного, и, возможно, они учились бесплатно, в отличие от других — это все никому не было известно. Но это была сплоченная такая общность, которая объединялась любовью к учителям, доверием к ним. А еще вторым лозунгом учительницы и наставницы Алферовой был: «Берегите мой гелиотроп». Она понимала возвращение цветов и возвращение своих учениц (своих детей у нее не было) вот именно в таком жизненно-созидательном смысле. И у этих людей, то есть у нее и у ее мужа, оказалась тяжелейшая судьба. Сначала произошло реформирование гимназии — она стала мужской, потом она стала называться «трудовой», сократился год обучения, появились какие-то новые черты в образовании, а потом, в конце августа 1919 года, ее мужа и ее вместе с ним арестовали, а в сентябре их расстреляли. И когда появился в нашей прессе список жертв, то есть не жертв, а список уличенных в предательстве (их по делу Национального центра кадетского заговора арестовали), то Алферов там находился после Николая Николаевича Щепкина, на втором месте. И вместе с ним, не будучи ни кадеткой, ни политическим человеком, Алферова тоже сложила свою жизнь. Сейчас я узнала, что эти люди реабилитированы. Эти люди реабилитированы, и у нас существует такое общество «Плющиха», в котором объединились выпускники уже советской школы, занимающей гимназию. И мы составили историю этой школы. И большой кусок просвещенной предыстории, вот гимназической, описан, и история Алферовых изучена, и воздается дань вот в этом тексте, и даже были попытки обратиться к властям, чтобы поставить доску на здании, которое сейчас уже, к сожалению, не школа, а народный суд. Это в 7-м Ростовском переулке, Хамовнический суд знаменитый. Но нам отказали в этом.

П. Алешковский

— Это «Светлый вечер», радио «Вера». Я Петр Алешковский, и в гостях у меня Мария Александровна Реформатская, замечательный рассказчик и искусствовед. Все-таки Тимофеев-Ресовский — давайте вернемся к нему.

М. Реформатская

— Да.

П. Алешковский

— Вы сказали, что он вернулся к Вам после лагеря, да?

М. Реформатская

— Значит...

П. Алешковский

— Я так понимаю, что Тимофеев-Ресовский потом исчезает на долгое время — он в Германии, и после, из Германии он прямым ходом едет на Колыму, где... Нет?

М. Реформатская

— Сейчас все объясню.

П. Алешковский

— Да.

М. Реформатская

— Значит, мы остановились сейчас на истории Алферовской гимназии, и блестящей выпускницей и по реальным результатам, и по духу была Леля Фидлер, которая потом стала Еленой Александровной Тимофеевой-Ресовской. И она вместе с моей мамой дружила, хотя они были в разных классах, по возрасту они отличались друг от друга на два года, но они входили в очень интересное сообщество, называлось «Организация учащихся», которое, шутя уже, потом мама называла «Кадетский комсомол», и которое действовало после Февральской революции и очень много объединяло своим воодушевлением, своим стремлением выработать какие-то формы общения с населением, с народом — в обучении, в помощи, в медицине и так далее. И какие-то вещи удалось осуществить. Елена Александровна Тимофеева-Ресовская была ученицей Кольцова в Университете Шанявского, и там она познакомилась...

П. Алешковский

— Кольцова-биолога?

М. Реформатская

— Да. Она познакомилась с Колюшей Тимофеевым, который возглавлял кружок. И вот я несколько раз называю слово «кружок», и мне хотелось бы отметить, что вот этот интерес к образованию кружков был тоже знаком этого поколения. Причем, не таких вот сообществ, которые устраивали, там, съезды биологов, отдельно съезды медиков, съезды физиков, а это объединение людей разных интересов, но которые очень увлеченно приходят в этот кружок и могут активно в нем работать. Кружок, который объединил Тимофеева-Ресовского и Елену Александровну, назывался «Дрозсоор» — это значит «Совместный ор».

П. Алешковский

— Понятно.

М. Реформатская

— И они все были одержимы биологией, которая в это время переживала очень большой подъем, потому что кончился период изоляции, который произошел во время войны, стали появляться иностранные журналы, и наши могли печататься. Возник очень тесный научный контакт, и в результате открытия, которые были в Кольцовской лаборатории, и молодые специалисты были замечены научной общественностью, и когда к Кольцову приехал из Германии директор Института мозга Фохт, то Кольцов порекомендовал ему Тимофеева-Ресовского.

П. Алешковский

— Тимофеева-Ресовского, угу.

М. Реформатская

— Это был 1925 год, и в июле этого года...

П. Алешковский

— Вот смотрите: как только рухнет стена, как только рухнет случайно упавшее заграждение, наука взрывается моментального и становится международной без разговоров, потому что ученые нацелены на одно — на поиск какой-то двери, которую надо открыть, чтобы попасть в еще 150.

М. Реформатская

— Петр Маркович, Вы говорите вещи коренной важности. Потому что одно из самых сильных ощущений от знакомства с Тимофеевым-Ресовским, которое произошло через 30 лет после его отъезда из России и происходило в нашем доме, потому что наша семья встретила его на вокзале, приехавшего после освобождения из «почтового ящика», который был на Южном Урале. И это была не лагерная система — это был «почтовый ящик», поэтому условия там были сравнительно хорошие, хотя до этого Тимофеев-Ресовский должен был в Караганде, в страшных карагандинских лагерях провести, ну, в общем, даже меньше года. Но если бы его не забрали, он бы умер там. Потому что...

П. Алешковский

— Там он, по-моему, умирал от дизентерии?

М. Реформатская

— Он умирал от полного истощения. Его везли в очень тесно набитом вагоне, при котором он не стоял, а висел, и только поэтому он не свалился и, так сказать, не упал в обморок. И уже когда его привезли в Москву, то выносили его очень крупные чины в МВД. И он никак не подозревал, что он, бывший арестант, будет на руках у главных блюстителей закона страны, и препровожден в больницу, где его пытались восстановить. Но он пострадал очень сильно — у него центральное зрение было ликвидировано, он потерял. Поэтому если он и читал, то читал с двумя лупами. А в основном всю литературу ему потом читала его жена.

П. Алешковский

— Начитывали.

М. Реформатская

— По четыре-пять часов она ему читала — на английском, на немецком, беллетристику на русском...

П. Алешковский

— Потрясающе.

М. Реформатская

— И это была четкая жизнь, режим изо дня в день, который вот так вот проводился. Теперь вернемся к науке. Одним из моих главных потрясений было утверждение Николая Владимировича, что никакого различия между двумя системами — немецкой и российской — он не ощущает. Когда ему задавали поначалу вопросы: «Как ты мог во время?..», он говорит: «А Вы как тут могли быть в Ваше время, и как Вы допустили лысенковщину? И как Вы допустили гибель огромного пласта русского интеллигенции? Почему Вы допустили, так сказать, гибель Вавилова? Почему скоропостижно умер его учитель Кольцов?».

П. Алешковский

— Кольцова — да, уничтожили, по сути.

М. Реформатская

— Так что это был как бы один толчок как бы вот такого ощущения единства мира. Но единство проявляется не только во зле, но и в добре. И добро — это, конечно, знание. Это движение к истине, это движение к науке, и наука одна. Она не имеет измерений Востока и Запада, одного режима и другого режима. И вот это мне внушил Тимофеев-Ресовский. Совсем недавно я прочитала строчки письма моего прапрадеда, который был большим деятелем крестьянской реформы на Руси и составлял вместе с Унковским проект освобождения крестьян. Он в 1864 году сотрудничал с Достоевским, и Достоевский от него требовал определенного направления текстов. И когда тот писал о том, что существуют общие знания, общая наука, и он не понимает, как можно вообще делить на Восток и Запад, то это Достоевского не устроило, а Головачев продолжал на этом твердо стоять. Никакими он, так сказать, соблазнами западной цивилизации не был особенно прельщен, но то, что существует ум, то, что существует истина, то, что существуют знания, которые объединяют всех людей, это совершенно очевидно. Я это

узнала совсем недавно, готовя историю головачевской семьи, и подумала, что, во-первых, это совпадает с тем, что утверждал Тимофеев-Ресовский, и пожалела, что эту фразу, как некое моральное подкрепление, не мог знать мой отец, который попал под удар в 1948 году за свой учебник, обвиненный в том, что он пресмыкается перед западной наукой, что он безродный космополит. Ну, там, формализм — это уже шло само собой. И тогда была очень серьезная травма. Ну, в общем, он выдержал, но время было довольно суровое.

П. Алешковский

— А отец, слава Богу, не улетел на Колыму?

М. Реформатская

— Нет. И если бы он знал, что сказал его предок, которого он очень почитал и уважал, думаю, что это было бы какой-то основой, которая бы его больше укрепила, чем это на самом деле было. Вот такое было у меня потрясение от Николая Владимировича. Второе потрясение — это, конечно, вот эта энтузиастическая верность науке и знаниям, которая осуществляется в каком-то сообществе единомышленников. И когда я как-то его спросила: «Вам удалось изменить Ваше изучение, Ваш материал, Ваше?..», «Нет, — говорит, — я всю жизнь занимался одним и тем же». И это «одно и то же», которое началось с Кольцовской лаборатории и с «Дрозсоора», которое потом продолжилось в Бухе в его лаборатории...

П. Алешковский

— В Германии.

М. Реформатская

— ...когда он в сообществе с другими учеными — с Дельбрюком, в частности, открыл, собственно, как можно определить местоположение гена. Я, конечно, больше не могу комментировать, поскольку это не в моей власти понять. И, собственно, это начало стремительно развивающейся линии биологии в комплексе с другими науками, которые сейчас процветают, и они Тимофеева-Ресовского воспринимают как, так сказать, седовласого предка всего этого движения. Так вот у него был именно вот этот дух кружка. И такой кружок у него образовывался в Германии, где собирались люди самых разных национальностей. Этот был интернациональный кружок, островок людей, объединенных единым ощущением. Причем, это были и разговоры о науке, и потом переходящие в игры, в шалости, в городки, в чаепитие-винопитие умеренное и так далее. Но вот это была его жизнь, это была форма существования. И вот этот Буховский кружок — он дал, конечно, очень большое отключение от той общей атмосферы, которая была в Берлине, в городе, в стране и так далее.

П. Алешковский

— Я потом слышал воспоминания людей, которые слушали лекции и общались с Тимофеевым-Ресовским в Пуцино. Это ведь тоже был такой же академический городок, отъединенный от Москвы, связанный автобусным сообщением и как угодно, но, вместе с тем, жизнь в лесу и наука.

М. Реформатская

— Да-да-да, я бывала там, да.

П. Алешковский

— И он там выступал, и как раз он говорил о том, что вот он узнает связь, похожесть и правильность такого как бы...

М. Реформатская

— А у него была матрица заложена, понимаете, в этих кружках. Они могли обрастать разными сведениями, знаниями, составом людей в соответствии с конкретными обстоятельствами, но матрица повторялась. Но, пожалуй, такое грустное ощущение конца этой матрицы, которое связано с концом его последней, вернее, даже, предпоследней служебной деятельности. Дело в том, что он переехал из Свердловска в Обнинск, и это как-то тоже

обозначено тем, что это 100-й километр. (Смеется.) Все-таки ни в Москву, ни в Ленинград он устроиться не мог по тем или иным причинам.

П. Алешковский

— Ну да, ну да.

М. Реформатская

— И там тоже была лаборатория, он создал отдел. Замечательные совершенно были ученые — уже я их очень хорошо знала, потому что они к нему приходили, стало быть, к нам приходили, когда он у нас останавливался, и мы очень дружили с ними. И они раз в две недели, по субботам собирались дома, за чаем с баранками, ничего даже излишнего не было, но слушали пластинки Шаляпина. Он рассказывал о музыкантах, которых успел услышать в Европе. Я там делала доклад про иконы, мой муж делал доклад про портрет XVIII века. Вот такой вот абсолютно... О Леонардо да Винчи прекрасный доклад сделал Тимофеев-Ресовский.

П. Алешковский

— Сам?

М. Реформатская

— Сам, сам, конечно. Конечно, потому что ему вот эта широта масштаба была очень важна...

П. Алешковский

— Близка, да?

М. Реформатская

— Да. И, в конце концов, это не понравилось местным властям, и этот кружок задушили.

И это было под предлогом того, что он разлагает молодежь, что это...

П. Алешковский

— Это какие годы?

М. Реформатская

— Это был... Он в 1971 году был выгнан на пенсию. Это был 1971 год. Но все-таки...

П. Алешковский

— Ну, такие самые... начало самых тяжелых советских времен.

М. Реформатская

— Да-да, это уже были...

П. Алешковский

— Прессинга как раз не согласных и интеллигенции.

М. Реформатская

— Да. Это даже не застой, это все-таки агрессия этого застоя.

П. Алешковский

— Да.

М. Реформатская

— И тогда его взяли консультантом под начало генерала Газенко. Он совершил очень мужественный поступок этим. И консультировал он космическую какую-то инстанцию — я не знаю точно ее название, но вот по всем вопросам, связанным с радиацией, генетикой, поскольку он очень много с этим работал в течение своей жизни, наблюдая изменение организмов под влиянием вот всех этих сложных вещей.

П. Алешковский

— Ну, он, собственно, и в Германии начинал эти опыты...

М. Реформатская

— Там это уже начинал, отчасти это было. То есть это давало возможность отклонения от какой-то известной прямой генетической линии — посмотреть, куда это все ведет. Это был человек свободы, это был человек раскованность, это был человек, конечно, огромной

жизненной силы. Но, надо сказать, эта жизнь наносила ему тяжелейшие травмы, и самая тяжелая травма — это была, конечно, гибель его сына. Сын оказался таким же, как он, по темпераменту, и во время войны он связался с русским подпольем и с партизанами.

П. Алешковский

— В Германии.

М. Реформатская

— Да. Он переводил листовки для военнопленных и забрасывал туда, он участвовал в кружках самодеятельности и в голенище сапог или инструментах тоже запрятал... И потом, в 1943 году он был арестован, и ничто не могло...

П. Алешковский

— ...его спасти.

М. Реформатская

— ...изменить его существования. И я сама никогда этих вопросов не задавала Тимофееву-Ресовскому, но известно от людей, которые были с ним близко связаны, что ему в это время предложили какой-то сверху проект, который имел неприятный характер — вроде стерилизации славянской расы, — и он отказался, и после этого сын был переведен в смертельный лагерь и погиб 1 мая 1945 года. Это была самая главная тяжелая травма. И, как Вы понимаете, он был абсолютно прав, и сын бы никогда ему не простил, если бы он что-то сделал не так. Но все-таки это был груз, который лежал на его душе...

П. Алешковский

— ...на нем всю оставшуюся жизнь.

М. Реформатская

— И он отмаливал этот груз. Николай Владимирович был религиозным человеком.

П. Алешковский

— При том, что занимался генетикой, да?

М. Реформатская

— Генетикой, естествознанием. Он каждый год заказывал панихиду на Воробьевых горах в церкви по своей жене, а сам всегда молился. И в последнее время, конечно, больше всего он думал уже не о кружках и не о сообществах, а как умереть не постыдной смертью. Вот эта вот фраза звучала у него довольно часто.

П. Алешковский

— Ну что ж, это абсолютная точка в рассказе. Большое спасибо. Это был «Светлый вечер», и Мария Александровна Реформатская просто весь его и провела. Спасибо.